

18+

Бранко Хмелич

Дым

Рассказы

Бранко Хмелич
Дым. Рассказы

«Издательские решения»

Хмелич Б.

Дым. Рассказы / Б. Хмелич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518005-6

Рассказы о простых людях, живущих в очень непростые времена (конец 70-х — середина 90-х прошлого века). Люди разные, истории разные, но всё объединяет атмосфера времени — смутного, изменчивого, часто враждебного, иногда откровенно абсурдного. Кто-то преуспел, кто-то опустился, кто-то вообще не заметил никаких перемен... Но они есть, они вторгаются в жизнь, переворачивают судьбы, потому что неумолимо меняется весь мир вокруг. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-518005-6

© Хмелич Б.
© Издательские решения

Содержание

Ричард	6
Тишина	17
Лебединое озеро	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

ДЫМ Рассказы

Бранко Хмелич

© Бранко Хмелич, 2020

ISBN 978-5-0051-8005-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ричард

Говорят, что «у кошки – семь жизней».

Как правило, услышать это можно, когда погибнет, либо пропадёт безвозвратно, или просто умрёт от старости любимый кот, и нужны слова утешения. Но это – только о котах, существах, вообще довольно загадочных. А вот про собак мне такого ни разу слышать не доводилось.

В самом начале был только свет, и тёплый мамин живот, и сосок, полный замечательно вкусного молока. Свет был поначалу мутен, но с каждым днём становился прозрачнее, ярче. К нему очень скоро добавились запахи, он различал всё большее их количество, и это было захватывающе интересно. Свет также приобретал новые качества: благодаря ему открылось, что в мире существует масса чудных вещей, с которыми можно играть... Последнее воспоминание из того короткого (прекрасного, как сон – и столь же смутно-мимолётного) времени: огромная комната, пронизанная светом, любимый тапочек, который так приятно было грызть, мягкий ковёр на полу, и лужица, которую он сделал на этом ковре... Мать он почти не помнил – лишь осталось на всю жизнь: тёплый бок, ласковый язык, облизывающий его с ног до головы, сосок, который нужно найти, чтобы напиться молока.

Он был эрдельтерьер, но не совсем чистых кровей. Что-то там не так оказалось в собачьей его родословной; потому-то, будучи совсем ещё крохотным щенком, и не был он с выгодой продан каким-нибудь солидным, богатым людям, а достался так, задаром... Одной семье. Увезли его в небольшой посёлок, из числа многочисленных городских пригородов; здесь он и прожил всю свою жизнь.

«Папа, а все собаки такие умные, как Бим Черное Ухо, или Бетховен? Или только большие?»

«Ну-у... В общем-то, большие обычно умнее... Но всё зависит от воспитания. Чем больше уделяешь собаке внимания, играешь с ней, а главное – чем больше она чувствует, что ты её любишь, тем она, как правило, умней. Так что бывают и маленькие, но очень умные собачки. Вот, ты же смотришь «дог-шоу»...

«А как мы её назовём?»

«Ох, дочка. Да как же можно назвать собаку, которой ещё даже нет? Ты смешная...»

«Которой, кстати, очень возможно, и не будет никогда! Кто, интересно, с ней возиться будет? А кормить её чем?»

«Ну мама, ну пожалуйста! Я, я буду возиться, буду лужи вытирать, я знаю же! Ну папа!!»

«Гм... В общем-то, мать права, мы пока ещё даже не решили окончательно...»

Появлению его в доме предшествовала длительная история... Дочь страстно убеждала отца, что ей хочется иметь собаку – большую, умную, «которая всё понимает, совсем, как человек». Девочке хотелось того, что видела она по телевизору в голливудских, по преимуществу, фильмах. Кроме того, отец одной из подружек как раз завёл сенбернара... И было нестерпимо завидно видеть каждый вечер, как Юлька гордо прогуливается мимо их дома по улице с этим огромным красавцем. Отец, однако, сомневался: будучи человеком взрослым, он представлял себе, какую массу хлопот создаёт появление собаки; впрочем, в глубине души, был заранее согласен. Отцу казалось, что выполнение обязанностей по уходу за щенком благотворно отразится на воспитании ребёнка; дочка же убеждала его всячески, что таковые обязанности ей

будут исключительно в радость. Наиболее скептически относилась ко всем этим бесконечным (а они продолжались не месяц и не два) разговорам мать. Её основным аргументом был тот, что это пока щенок маленький и смешной, с ним интересно, а потом? Куда его девать?

Однако ж именно она и принесла однажды с работы в сумке рыжий комочек: кто-то предложил, захотелось порадовать ребёнка...

Вот так он и появился.

Щенок был на редкость забавный; довольно долгое время его всё не могли назвать; подбирали имя всей семьёй, но не могли никак сойтись, чтобы всех устраивало. Так и жил он чуть ли не три месяца без имени... «Пёс». «Малыш». «Собака».

Потом, наконец, согласились: пусть будет Ричард. Красивое имя, и сокращается красиво: «Рич».

1. Дом

Он жил поначалу в доме. Да иначе и быть не могло: ведь это было такое забавное существо! Дочь была просто в восторге; остальным членам семьи щенок тоже понравился.

Помимо Рича, в доме был ещё жилец: маленький рыжий котёнок, очень пушистый и игривый. Зверята сразу подружились, и чего только они не вытворяли вдвоём, резвясь! Котёнок был маленький, но боевой; частенько он устраивал на своего лохматого и неуклюжего товарища засады, откуда неожиданно выскакивал, вцепляясь, как правило, в хвост или в заднюю ногу щенка. Но Рич однажды случайно нашёл весьма остроумный, а главное, эффективный контрприём: подвергшись очередному нападению, просто взял и сел на обидчика. А так как был он раза в три-четыре больше, коту пришлось под этакой тушей нелегко: только и осталось, что жалобно мяукать, взывая о помощи. То-то смеху было! Этот случай запомнился; рассказывали своим знакомым и отец, и мать, не говоря уж о дочке.

Он делал, разумеется, лужи... да и не только их; грыз провода – все, какие только попадались на глаза (поразительно даже, как его током не убило, когда он начисто перекусил шнур питания от стереосистемы! (впрочем, судьба, видимо, готовила ему совсем другую участь...)). Помимо того, Рич прямо-таки терроризировал весь дом своей привычкой утаскивать обувь в такие места, где её было трудно потом найти. К тому же найденный, наконец, где-нибудь под диваном тувель оказывался, зачастую, уже совершенно непригоден к употреблению... Однако всё ему прощалось. Дочь честно выполняла обещанное: вытирала лужи, кормила... даже пыталась (при некотором участии отца) дрессировать Рича, несмотря на то, что был он для этого явно ещё слишком мал.

Но через некоторое время подросток. Его частенько купали в большом пластмассовом тазу, чтобы избавиться от специфически собачьего запаха; Ричу это ужасно нравилось. Кормили тоже неплохо... Рич хорошо усвоил, что ни в коем случае нельзя делать лужи и прочее где попало – для этого существует специальное место; кроме того, строжайше запрещалось не только спать, но даже просто вспрыгивать на диван и кресла. Он стал уже большой, и однажды перевернул кофейный столик со всей посудой, на нём находившейся – за это Рича наказали: побили. Но не очень больно, впрочем.

Он не любил, когда его пытались обучать всяким скучным, и, с его точки зрения, бессмысленным командам: «сидеть», «лежать»; зато обожал резвиться, бегать, прыгать. За окном к тому времени была уже весна. Когда весь снег растаял, прошли дожди, а земля достаточно подсохла, Рича начали понемногу выгуливать во дворе, и он открыл для себя, что мир не ограничен стенами Дома. Прогулки, а в особенности игры, им сопутствовавшие (гуляли, как правило, с Маленькой Хозяйкой, и та бросала мячик или палку, которые он ловил и приносил

назад), приводили Рича в неописуемый восторг. Когда стало совсем тепло, его, предварительно выкупав, подстригли; он стал настоящий красавец, и знал это. Помимо прочего, его закадычный друг – Рыжий – тоже гулял во дворе, и можно было, схватив его за шиворот, таскать повсюду. Коту, в которого к тому времени превратился пушистый комочек, это не очень-то нравилось, он устраивал в отместку засады (вцепляясь теперь уже в ухо), но дружили они по-прежнему.

...резвиться, бегать, прыгать. Вот с этого всё и началось.

Тут пришло, наконец, время сказать, что во дворе уже жила одна собака: дворняга по имени Джек. Довольно крупный пёс, совсем неглупый, но злой, как все цепные кобели. Он, разумеется, сидел по большей части на цепи, но отец был к нему привязан и нередко баловал: отпускал побегать по двору. В те периоды года, когда в огороде не росло ничего такого, что Джек мог бы затоптать или поломать, его, как правило, отпускали на всю ночь...

И вот Джек сразу же Рича очень невзлюбил: с ним-то даже Хозяин (не говоря уж о других, живущих в Доме Людях) никогда не играл в мячик, его не купали и не стригли, никто не восхищался его красотой... А ведь он был честный пёс, сторожил двор по ночам, сидя же на цепи – охранял курятник. Но самое обидное было то, что этому новому выскочке доставались (видел это Джек, видел!) самые лакомые кусочки. Спрашивается, за что? Это было несправедливо! И, уж во всяком случае, он имел полное право хотя бы на свою долю; так нет – всё доставалось рыжему бездельнику. В довершение ко всему, он ещё и жил прямо в Доме! Так Джек затаил на Рича лютую злобу.

А Рич тем временем всё рос, неуклонно приобретая все, свойственные собственной (хоть и не вполне чистой) породе, качества: неумно весёлый нрав, склонность к буйным и шумным играм, неистребимый оптимизм, преданность Хозяевам вообще, любовь и верность Своему Хозяину (для него им была дочь). Как показало время, кое-какие из свойств характера оказались у Рича не столь уж стойкими, как поначалу представлялось. Но главное – осталось до конца.

Верность и вера. Вера в полную непогрешимость Хозяина. И чувство *долга*, своего собачьего долга. И всё это – до самой смерти, никогда, ни разу не усомнившись.

Но это... Ладно. Речь сейчас о том, что с каждым днём становилось всё очевиднее: держать такую большую собаку (к тому же довольно неуклюжую, да ещё с таким утомительно-весёлым характером) и дальше в доме – совершенно немыслимо. Сколько мебели и проводов изгрызано, сколько посуды перебито, все эти прыжки, и вечно он кладёт свою голову прямо на стол (Рич был уже большой пёс), а уж если с Рыжим затеются играть – так это ж прямо катастрофа всякий раз... да ещё этот запах от него: купай-не купай, всё равно собачатиной пахнет; нет, это было положительно невозможно. Вопрос встал ребром.

В семье было много разговоров по этому поводу. Сажать на цепь – вроде бы жалко; а просто так в будку не выселишь: привык ведь уже в доме, как отучить? Помимо прочего, там же, во дворе – Джек... Как увидит Рича, просто звереет, с цепи рвётся так, что глотку себе перехватывает, даже не лает поэтому, только хрипит от ярости. Отец в этом вопросе занимал позицию какую-то странную, промежуточную: вроде бы, да, держать в доме больше нет возможности... но, с другой стороны... Что именно было с другой стороны, было совершенно непонятно; скорее всего, отец и сам этого не знал. Наконец, дочь с матерью решили: всё. Терпеть больше нельзя – раз; на цепь сажать жалко – два (к тому же и Джек...); следовательно – необходимо сделать для Рича вольер. Так, чтобы и не на цепи – но и не бегал бесконтрольно по двору. На это отец сразу же согласился, однако поставил строжайшим условием, чтобы дочь не менее раза

в день Рича выгуливала и непременно с ним играла. Дабы он не чувствовал себя брошенным, *никому не нужным*. К такому требованию присоединилась и мать. Дочь клятвенно, чуть ли не со слезами, обещала. Таким образом, всё, казалось бы устроилось – дело было за самим вольером.

Вскоре же, на следующие выходные, приехал из города отцов друг – и *вольер* воплотился в жизнь. Вкопано было рядом с давно пустовавшим гаражом четыре деревянных столба, натянута между ними сетка-рабица, устроена простейшая калиточка... В получившуюся загородку поставили довольно грубо (впрочем, добротнo) сколоченную будку – вот и всё. «Вольер» был готов. Будка накрыта была кусками старого шифера, так что защищала от дождя; на калитку поначалу приспособили обычный крючок, но выяснилось, что Рич легко открывает его носом, и тогда сделана была щеколда, которую он открыть уже не мог.

Вот и всё, вот и всё...

2. Вольер

С первого же дня жизни своей в «вольере» Рич обнаружил вдруг пренеприятнейшую манеру выть по ночам. Днём он тоже скулил временами, – было скучно сидеть в этой глухой загородке, где и размяться-то толком невозможно; кроме того, если мимо проходил кто-нибудь (в особенности – Его Хозяин, дочка), Рич раздражался лаем, призывая обратить внимание на своё тягостное положение, выпустить, поиграть... Но это всё было как бы в порядке вещей: «ну естественно, привык же в доме... конечно, нужно время... ничего, освоится». А вот ночью... Это было прямо-таки нестерпимо. Он скулил, жалобно повизгивал, выл – непрерывно, до бесконечности. Вой прекращался лишь тогда, когда Рич, обессилив, засыпал... Но и тогда, стоило ему только слышать какое-то движение в спящем доме (а ведь слух у собак очень тонкий), как скулëж возобновлялся.

Потребовалось немалое время (а может – то просто казалось так недовольной семье), пока этот вопрос решился хотя бы в какой-то степени.

Лишь с большим трудом удалось приучить Рича к новому порядку: его постоянное место отныне – в «вольере»; гулять он имеет право только тогда, когда выпустит дочка (выскакивать самому при любом подвернувшемся случае строжайше запрещено); кормят его теперь один раз в день, если не считать всевозможных мелких подачек, случавшихся поначалу довольно часто... и прочее, и прочее. Заслушание строго наказывали: ругали, пинали ногами, случалось – и били. Больно, в общем-то, не было; он стал здоровенным псом, и с радостью воспринял бы все эти пинки как игру... но Рич понимал, что его наказывают, что он провинился в чём-то – и оттого переживал не меньше, чем если бы били всерьëз. Но и не мог смириться, а главное, понять, столь ужасной перемены в своём положении... И, видимо, *этого* он не понял до самой смерти.

Из положительных же моментов, связанных с переводом Рича в *вольер*... Речь в данном случае, как вы, быть может, догадались сами, идёт уже о не о нём, а о Хозяевах – так вот, всей семьёй единодушно отмечалось, что голос у Рича хорош. Заслышав чужого, он лаял громко, злобно и страшно, так, что во двор боялись зайти. Не следует, конечно, обижать забвением и Джека, чей голос также звучал весьма устрашающе. Ещё... Нет, теперь уж сложно припомнить; пожалуй, что и всё.

Именно в этот период Рич, наконец, познакомился (и, как увидим в дальнейшем, довольно близко) с тем членом семьи, на которого прежде не обращал никакого внимания – настолько Человек этот, которого Большой Хозяин называл «Тёща» – был малозаметен, да и не интересен. Честно говоря, Рич долгое время даже не причислял Тёщу к лику Хозяев. Зато

теперь он понял, насколько ошибался, и понимание это (со смутным налётом вины) осталось с Ричем навсегда. На всю его оставшуюся жизнь. Дело в том, что именно Тёща кормила его отныне (раз в день). Он ел, конечно, и чаще – но то всё были вроде как ненадёжные случайности; потребовалось долгое время, чтобы усмотреть в них какие-то закономерности, уловить странноватую логику. А вот то, что приносила ему (обычно ближе к вечеру) Тёща – был его, Рича, законный рацион. И тут уж выбирать не приходилось: что дали, то и дали. Не хочешь – ну, и не ешь. Впрочем, как раз к этому Рич привык довольно быстро. Он не так уж привередлив был насчёт еды.

А о Тёще ещё будет вам рассказано потом. Теперь же...

Гулял Рич поначалу довольно часто, чуть ли не каждый день. Маленькая Хозяйка резвилась с ним, играла в мячик. Иногда и Мать подзывала к себе, чтобы погладить, почесать за ухом. Его ещё пару раз купали тем летом... А дочка тогда даже вспоминала время от времени о «дрессировке». Правда, на ночь Рича неукоснительно запирали в «вольере», что было, по меньшей мере, несправедливо. Потому что летом Джек сидел безотвязно на цепи, но вот с осени, когда огород был уж убран, он начал по ночам гулять – Большой Хозяин отпускал его до самого утра.

Джек бегал, в основном, по дальней части двора, где было попросторнее. Но теперь, получив такое неоспоримое преимущество над своим врагом (каковым он искренне полагал Рича), Джек частенько, по нескольку раз за ночь, подбегал к «вольеру», в котором томился недруг, и грозно рычал на него. Рич не отзывался на это никак, молчал, сидя в будке; но и он теперь тоже сильно невзлюбил Джека.

Так что нет ничего удивительного в том, что однажды они, наконец, сцепились. Драка вышла страшная. А тут ещё, на беду, как раз в это время вся семья смотрела интересный фильм по телевизору; звук был включен громко, и к тому времени, как отец, пользуясь рекламной паузой, вышел во двор покурить, бойцы довели себя уже до прямо-таки ужасающего состояния: оба были в крови, с прокушенными ушами и полосами выдранной с мясом шерсти... Они измотали друг друга до такой степени, что уже и двигались-то с трудом, падая при каждом новом столкновении – но драки не прекращали, вставали, пошатываясь, и вновь сцеплялись насмерть, норовя вцепиться в горло, убить...

(Отец)

«Это был прямо кошмар какой-то... Ведь еле живые оба, перевязывать их даже потом пришлось, лечить, отхаживать... Но расцепить дурачков мне лишь с большим трудом удалось тогда, как сейчас помню...»

Что ж... Пришлось принимать меры. Снова приехал на выходные отцов приятель. Мужчины целых два дня возились: копали ямы, ставили столбы, тянули сетку, прикручивали её. Сделана была и калитка, вполне приличная, прочная... Вот только запор был придуман неудачный: простой крючок, согнутый из электрода, и кольцо для него – из толстой алюминиевой проволоки скрученное. Но так, вообще, всё вышло очень даже неплохо.

Двор разгорожен был отныне пополам (всё той же сеткой-рабицей). По одну сторону – владения Рича; по другую – Джека. Какое-то время всё было хорошо: они гуляли по ночам, изредка подбегая к демаркационной линии и угрожающе рыча друг на друга, утром же Джека сажали на цепь, а Рич отправлялся к себе, в «вольер». Но ненавидели они друг друга по-прежнему, а то и сильнее: Джеку обидно было лишиться чуть ли не половины своей законной территории, Рич же переживал, что входная дверь в дом по ночам от него отрезана, и он не может должным образом приветствовать Хозяев, когда те выходят во двор.

И, в общем-то, с самого начала было ясно, что дело далеко не кончено... Так оно и вышло.

Сделанный небрежно, наспех проволочный запор оказался ненадёжен; теперь уж никак невозможно установить, кто именно и каким образом открыл злосчастную калитку – но факт тот, что однажды Джек с Ричем сцепились вновь. Причём во время этой, второй своей драки они оба явно обезумели, терзая друг друга свирепо, явно желая убить противника, либо быть убитым самому.

Мать с дочерью испугались, ничего не могли предпринять, и побежали будить отца, который спал. Тёща же, схватив длинные и тяжёлые грабли, принялась лупить деревянной ручкой куда попало по визжащему, рычащему, крутящемуся по земле клубку, оставлявшему уже за собой кровавые полосы... Тут выскочил отец, отобрал грабли, перехватил их – и железной уже частью нанёс несколько страшных ударов, не разбирая особо, кому именно они достаются. В результате Джек, скуля от боли и рыча одновременно, покинул поле боя: далеко обежав Хозяина, он забился в свою будку. Рич же, весь окровавленный, никуда не уходил, пока ему (палкой же) не было придано некоторое ускорение в сторону *вольера*; тогда он медленно, чуть пошатываясь, проследовал туда и тоже улёгся в будке.

Во время этой второй драки Отец, как и вся семья, был поражён не только отвагой Рича, но более – его поведением, когда собак разнимали. Джек, получая удар, отгрызался, делал вид, что сейчас бросится... Рич – только оглядывался недоумённо, и снова кидался в бой.

(Отец)

«Вечером на работе случилась неожиданная передышка; народ, разумеется, сразу же в столовую ломанулся, чай-кофе пить. Вот... Ну, и зашла как-то сама собою речь о собаках. Собственно, какая разница, о чём трепаться? Один там про пуделя своего рассказывал, другой – про питбуля; ну, и я решил слово вставить. Мол, и мы не льком шить. «У меня – эрдель». Описал, как они тогда с Джеком сцепились – у меня ещё свежо было в памяти; и как пришлось потом двор перегораживать рассказал. А был там один собачник, который и впрямь в этом деле разбирался. «Эрдель?» – говорит. И немного мне об этой породе рассказал: где вывели, для чего, всякое такое... Но мне вот что запомнилось: он говорил, ничего тут удивительного нет, что они вот так сцепились. «Эрдель – порода особая, о ней говорят: голова барана, но сердце льва. То есть он, быть может, и не слишком умён, но боец замечательный – бесстрашный, стойкий. И никогда не сдаётся, до последнего. За хозяина жизнь отдать – в порядке вещей для него. Очень преданный. Но, с другой стороны, тварь нежная, постоянного ухода требует; и на цепи, или даже в вольере не место ему, он бегать должен, с хозяином гулять... Вообще-то – охотиться бы с ним... но уж хотя бы гулять, дать порезвиться. Для твоих», говорит, «условий, собака малоподходящая. Овчарка – и то бы лучше. А вообще – дворняга крупная, вот это лучшие всего».

Так Рич вдруг оправдал своё имя, которое, если помните, подобрали ему когда-то с трудом, в спорах. Он показал, что заслуживает зваться Ричардом.

Ричард Львиное Сердце.

* * *

Прошёл год; близилась вторая зима, которую суждено ему было провести почти безвылазно в «вольере». После той, второй драки Рича практически перестали выпускать надолго во двор; правда, Джека теперь тоже совсем не спускали с цепи, но это было, признаться, довольно слабым утешением...

Маленькая Хозяйка не то, чтобы совсем перестала его выгуливать, но случилось это теперь всё реже и совсем не регулярно, как прежде. Так что почти всё время приходилось сидеть в проклятом «вольере». Правда, Ричу ежедневно позволялось теперь немного, минут от силы десять, побегать на свободе – благодаря Тёще. Но была такая поблажка вызвана отнюдь не хорошим её отношением или даже жалостью. Просто, сидя безвылазно в своём закутке, Рич очень скоро совершенно загадил его. Моча уже не впитывалась в землю, а кучи теперь были даже на крыше будки: ну просто негде больше было уже пристроиться... Вот и приходилось его выпускать, чтоб он сделал свои дела где-нибудь во дворе. Рич был пёс сообразительный: выскочив из «вольера», он не бегал по двору бессмысленно, не резвился – а сразу же кидался куда-нибудь в укромное место, зная, что времени у него мало. Он не обращал даже никакого внимания на исходившего в таких случаях хриплым лаем Джека.

Так что вскоре «вольер» почистили (отец даже самолично присыпал зловонные лужи чистым песочком), кучи были убраны, произведён был кое-какой незначительный ремонт – и всё, наконец, наладилось.

Теперь уже – окончательно.

Вот только выл он иногда ночами по-прежнему нестерпимо... хоть, впрочем, и много реже, чем в первое время. И закончим мы эту часть повествования о Риче случаем, произошедшим в новогоднюю ночь, ближе к утру, но ещё затемно.

(Отец)

«Тот Новый год у нас на редкость неудачный выдался... Всё одно к одному, как назло... а, впрочем, кому оно интересно... Тем более – теперь, когда уже, считай, и позабылось всё. Но встречали мы праздник плохо: настроение у всех никуда не годное; даже стола более-менее приличного не удалось накрыть. Да и вообще... По телевизору ничего хорошего нет, все злые, надутые... Короче говоря, улеглись спать довольно рано, часа в три. Причём даже легли с женой порознь: поругались, кажется, из-за какой-то мелочи. Я лёг в гостиной, пытался, помню, какое-то фильм посмотреть по видеку. И тут Рич начал выть... Ну прямо-таки невыносимо! Может, он думал, что я на работу собираюсь – хлеба ждал, как обычно, может – ещё что... не знаю.

Короче говоря, достал меня его вой до последней степени. Вышел я во двор, взял лопату... он, дурень, как сейчас помню, хвостом виляет... Ну... и огрел же я его... не лезвием, конечно, – плашмя; но сильно, со всего маху. Он замолчал, потом пошатнулся два раза (я, помню, испугался даже слегка) – и полез к себе в будку. Большие не выл той ночью... вообще недели где-то две не выл. Потом, конечно, снова начал...»

3. Годы (жизнь)

Так прошло четыре года. Он сидел в своём закутке-«вольере», ждал, когда настанет время кормёжки, наблюдал за тем кусочком жизни двора, который был доступен для его зрения. Птицы, коты... Если по улице пробегала собака, Рич, даже не видя её, знал это и принимался гавкать; его тут же поддерживал Джек. Когда мимо пробегал по своим кошачьим делам закадычный друг, Рыжий, Рич тоненько повизгивал, призывая товарища детских игр – сам не зная, зачем; но тот обычно даже не оглядывался. Выть по ночам он совершенно перестал, боялся; однако в те дни, когда большой хозяин собирался на работу (что случалось не каждый день, по непонятной Ричу системе, но всегда очень рано, ещё затемно), считал себя вправе поскулить немного. Дело тут было в том, что в такие дни хозяин непременно приносил ему и Джеку что-нибудь из еды. Чаще всего то был просто хлеб; однако случалось, не так уж и редко,

что-то вкусное: овощи, всякие объедки... Иногда даже косточка! Когда хозяин, торопясь, нёс что-то Джеку, Рич лаял; когда Джек видел, что еду понесли Ричу, лаял Джек. Хозяин их за это никогда не ругал; только ворчал недовольно.

Пять лет – это очень долго. Это огромный срок. И, будь на месте Рича человек, он непременно поразился бы, как мало случилось за все эти годы... Но Рич так не считал. Происходило многое; пусть и не слишком часто – и всё, что случалось, было захватывающе интересно. Так хотелось принять участие! Но не давала проклятая сетка, и приходилось довольствоваться простым наблюдением из «вольера», да изредка – лаем.

И хотя жилище его находилось, по сути, в довольно-таки глухом закутке двора, Ричу удалось повидать за все эти годы так много интересного!... Запомнилось ему: как привезли однажды длинные, чудно пахнущие свежей древесиной доски; как дважды благоустроивали его жилище, «вольер»; как стригли его по весне, когда он превращался за зиму в лохматое чудовище; запомнил страшную, и всё же замечательную грозу, случившуюся однажды... Он знал всех соседских котов, приходивших во двор по ночам; он выучился понимать, не видя этого воочию, что происходит на улице, он любил солнце и грозы, но ненавидел нудные осенние дожди... Словом, он *жил* – настолько, насколько позволяли ему обстоятельства. И радуясь любому случаю увидеть что-то новое, и не теряя надежды на... он сам не знал уже, на что именно. Что-то хорошее. Но...

В основном жизнь его складывалась из дней и ночей, ничем особо не примечательных. День – это было: пробуждение, первые солнечные лучи; затем, по времени года, жара или холод, или просто хорошая погода; ожидание пищи... надежда: вдруг сегодня – гулять? Чуткое прислушивание к жизни Дома. Облаивание (совместно с Джеком) собак, пробежавших по улице или (реже) чужих Людей, пришедших к Хозяевам... Да ещё – неутраченное никогда: страстная мольба, обращённая к Своему Хозяину. Чтобы вышла, хотя бы подошла, не говоря уж поиграть...

Ночи были много хуже. Ночами он практически не спал: с наступлением темноты водоворот света и звуков, которыми дарила его жизнь, сменялся царством запахов – таким восхитительно таинственным; он слушал пересуды веток дерева, что росло рядом с «вольером», пытался разобраться в смутном шорохе трав... Ночами во двор забредали чужие коты, и Рич постепенно приучился не лаять на них, чтобы не спугнуть... Он был безмолвным свидетелем непонятной и скрытой ото всех ночной кошачьей жизни. Очень плохо было то, что за проклятым гаражом не мог он видеть улицу... Впрочем, и во дворе хватало интересного. Но ведь всё это интересное, вся эта, во всём своём роскошном великолепии, жизнь – была ему, сидящему в «вольере», совершенно недоступна! Оставалось лишь прислушиваться и принимать к ней изо всех сил, и потом, уже под утро, обессиленно задремать. Нет, ночи были много хуже.

Кстати... Примерно в это время вдруг резко изменилось поведение Рича в тех (теперь уж редких) случаях, когда Маленькая Хозяйка «гуляла» с ним... То есть открывала дверцу «вольера» и пускала побегать.

Отец, однажды выйдя во двор покурить, увидел такую картину: дочь читала книжку, прислонившись к крылечку; Рич же деловито, без присущей ему резвости (трусцой, а не галопом, как обычно), деловито шнырял по двору; обнюхивал что-то, тёрся боком об угол гаража. Потом завалился в траву и принялся кататься по ней с боку на бок.

– *Вы что же, не играете с ним больше?*

– *Он, знаешь, папа... Что-то не особо игрив стал в последнее время... Вот, отпущу – он бежит себе по каким-то своим делам...*

- *Так, может, он болен? Раньше ведь любил играть.*
– *Да нет, он теперь всегда так... Давно уже. А вообще – молодец, умный. Слушается, – и она закричала:*
– *Рич, в будку!*
Рич сразу же поднялся, потрусил в вольер, и залез в свою будку.
– *Вот видишь, он всё понимает...*

А он ничего не понимал. Лишь чуял безошибочно собачьим своим сердцем, что Маленькой Хозяйке теперь почему-то стало не до него. Вот и пытался вести себя так, чтобы *не мешать*, сделать всё, чтоб Его Хозяин (а для Рича ведь была им как раз дочь), остался доволен... Рич просто видел, что Хозяйке не хочется возиться с ним; и просто старался, по мере сил, *не вызвать к себе неприязни*.

Но никогда, ни разу он не почувствовал в отношении себя никакой несправедливости; не усомнился в собачьем своём долге ни, тем паче, в мудрости Хозяев. Даже сомнения о собственной нужности им, Хозяевам, были ему неведомы. Ведь его КОРМИЛИ! О нём как-то заботились... с каждым годом всё меньше и меньше – но что ж поделать! Значит, были дела и поважнее. Он даже испытывал порою нешуточные угрызения совести... Дело в том, что невозможность размять мышцы, побегать, не всегда достаточное питание, отсутствие даже простого внимания к нему (не говоря уже о ласке) со стороны Маленькой Хозяйки – Его Хозяина, – всё это начало уже подтачивать здоровье. Рич утратил большую часть своей жизнерадостности; по временам его охватывала странная апатия... В такие моменты он, слыша, как открывается калитка, и зная точно (по шагам, по запаху), что это вернулся с работы большой Хозяин, не гавкал – а был ведь обязан! Обязан был показать, что не дремлет, честно сторожит... что? Но такой вопрос был чужд ему, а вот угрызения – были. Несколько раз в такие моменты большой Хозяин подходил к его «вольеру», что-то коротко говорил, а пару раз даже, протянув над сеткой руку, почёсывал Рича за ухом... Тогда бывало уж совсем нестерпимо стыдно; но поделать ничего со всё учащавшимися мутными волнами странного, болезненного безразличия ко всему Рич тоже не мог.

Последняя зима в жизни Рича выдалась на редкость тяжёлая. Всему виной была погода: непрерывные противные дожди, нескончаемые, серые, безнадёжные. Он совсем не гулял; Люди, озлобленные мерзкой погодой, спешили мимо, в тёплый дом, не обращая на него уж вовсе никакого внимания... Даже Джек лаял теперь реже, когда Рича выпускали по делам во двор – а то и вовсе не лаял, забившись в свою будку.

Спать было сыро... А частенько, к тому же, ударял по ночам несильный морозец, и влажная подстилка тогда смерзлась. Стоило больших трудов уместиться и пролежать достаточное время так, чтобы хоть немного согреть её – но и тогда она оставалась отвратительно сырой. Кормить не забывали, но пропала куда-то привычная, естественная радость от еды. Апатия всё нарастала...

4. Смерть

И однажды, когда зима была уж на исходе, Рич заболел.

Сначала на это никто даже не обратил внимания: ну, лежит себе и лежит... Потом, на второй уже день, болезнь Рича заметили. «*Странно: с чего бы это? Сказать, чтоб с едой что – так нет, они же с Джеком одно и то же едят... Может, простыл? Вон, погода какая гадостная... Простыл? С его-то шерстью? Не смеши. Слушай, па, а им же, вроде, прививки какие-*

то делают? Может, это чумка? Ну, если бы это чумка была, то и Джеку заболел бы – во-первых; а во-вторых, вон, Джеку ж тоже прививок никаких не делали, а он здоров... Ну-у, тот же всё-таки дворняга, а Рич у нас породистый. Они, говорят, нежные... Да какой он там породистый! Седьмая вода на киселе!»

Впрочем, дальше разговоров, дело всё равно не зашло, так что пересказывать их здесь и дальше особого смысла нет.

Ранним утром, собираясь на работу, Отец, как обычно, вышел во двор, чтобы дать по куску хлеба собакам. Ёжась от промозглой сырости, он добежал до будки Джека; тот, как всегда радостно виляя хвостом, с урчанием поймал горбушку на лету и тут же проглотил. Теперь настала очередь Рича. Было темно: фонари на улице в этот день отчего-то не горели. К тому же, стоял туман... В общем, видно ничего не было. Человек бросил кусок хлеба через сетку-рабицу, но привычного чавканья не услышал; в «вольере» было тихо. И ещё: Джек в этот раз почему-то не лаял, как обычно. «Совсем заболел наш Рич» – подумал Отец, – «нужно бы посмотреть, что с ним...» Но теперь ему было некогда: он опаздывал. Собрался и ушёл на работу.

Рич умер утром, на следующий день. Свидетелем тому была одна лишь Тёща, и она рассказывала об этом так:

(Тёща)

«Он ведь дня три уж, как не ел ничего... и всё лежал, не поднимался. В тот день я сварила ему уху – дай, думаю, поест горяченького, глядишь, и оклемается ещё... Ну, он поел, но так... чуть-чуть. Считаю, что полизал только. Но ещё дышал, живой был. А через пять минут шла мимо, глянула – а уж он и не дышит. Умер. И чего ему надо было? На еду вроде не подумаешь: они же с Джеком всегда одно и то же ели... Заболел, наверное, чем-то. Жалко... Вот и бесполезный был пёс – а всё одно жалко. Ну, что уж тут поделаешь...»

И действительно – теперь уж сделать ничего было нельзя... Оставалось последнее: избавиться от трупа. Предать тело Рича земле. Вот и всё.

5. Долгое прощание

Первые сутки Рич так и пролежал на пороге своей будки, в той самой позе, в которой пришла к нему смерть.

Было тому две причины. Первая – всё та же чёртова погода: взъярилась напоследок уходящая зима, ударила морозцем... Страшно не хотелось отдирать от мёрзлых досок заочевшее тело; да и опасности разложения, ввиду неожиданного похолодания, не предвиделось. Правда, разговоров в семье было, как всегда, много – на тему, что «надо бы», да «надо бы поскорее», и даже, что «надо немедленно»... Но толку-то? Куда его девать, вообще? И тут уж вступала в силу причина вторая, перед которой оставалось лишь бессильно склонить голову.

Дело в том, что система уборки мусора в городе и сельской местности весьма различна, как, впрочем, и почти всё остальное. На то она, как говорится, и деревня... В том посёлке, о котором идёт здесь речь, сбор мусора осуществлялся следующим образом: в определённое время по улицам, омерзительно завывая специальным рожком, проезжал трактор с длинным бортовым прицепом, до крайности раздолбанным. Население же, загодя приготовившее ведра, мешки и прочие ёмкости с мусором, заслышав рожок, высыпало из дворов на улицу, и, по мере продвижения агрегата, опорожняло свою мусорную тару в прицеп.

И, поскольку решено было на семейном совете выбросить тело Рича, упаковав предварительно в мешок, вместе с прочим мусором – а трактор (по графику) должен был собирать свою дань как раз на следующий день, то так Рич и остался лежать. Завтра (возможно) потеплеет, и упаковывать его в мешок будет сподручнее, а также (возможно) приедет мусорщик.

Наутро, действительно, резко потеплело, и Отец, натянув резиновые перчатки, уложил то, что осталось от Рича, в мешок; но трактора в тот день так и не дождался. Так Рич провёл второй свой день – в мешке, у ворот, где приготовлено было загодя всё, на выброс предназначенное.

Случилось так, что назавтра Отцу было идти на работу... Утром, бросив кусок хлеба Джеку, он устремился было, по привычке, держа в руке другой кусок, к Ричу... Но «вольер» встретил его мёртвым молчанием. Человек резко остановился, чертыхнувшись, помялся немного... потом пошёл, и этот второй кусок отдал тоже Джеку. Чуть позже, выходя уже со двора, Отец покосился недовольно на стоявший рядом с воротами мешок... «Ладно. Уж сегодня-то трактор будет наверняка». С тем и ушёл.

Однако трактор не приехал снова. И второй день Рич, упакованный в мешок, простоял у ворот, среди вёдер с мусором.

Наконец, когда и на третий день трактора всё не было, вопрос встал, наконец, ребром. Ближе к вечеру, одев всё те же резиновые перчатки, Отец вооружился лопатой и взял мешок с Ричем. Он отнёс его на задний двор, к выдавшему виды деревянному забору, за которым был небольшой проезд, служивший для всяких хозяйственных нужд: навозу там подвезти, либо песка; кроме того, по проулочку этому выгоняли с утра коров на пастбище, а вечером гнали домой. Здесь жгли по осени сухую ботву... Да мало ли что. Отец открыл калитку и вынес Рича со двора. Здесь, под трухлявым забором, он выкопал яму, бросил в неё мешок и присыпал землёй. Потоптался по ней, и, увидев, что уголок мешка точит наружу, набросал ещё сверху земли – получился небольшой, чуть заметный холмик.

Так, на третий день после смерти, окончилось, наконец, земное бытие эрдельтерьера (не совсем чистых кровей), наречённого гордым именем Ричард.

* * *

...А вокруг заброшенного «вольера» той весной необычайно буйно разрослась вдруг трава... Но Рич её уже не видел, и некому было вслушиваться в её таинственные шорохи по ночам.

Тишина

«Если я кажусь свободным, то лишь потому, что всё время бегу».
Джимми Хендрикс

Мне раньше часто снился океан. Не уверен, но вроде бы началось это, когда был я в армии... А служил в самом центре огромной чёрной пустыни; жара там превосходила всякое воображение. И посему солнечный удар считался в нашей части делом как бы вовсе обычным, привычным – в особенности, после интенсивной строевой подготовки, приключавшейся с угрюмой неизбежностью всякий раз, как ротный наш хватит лишку (а хватал он его частенько)...

И вот однажды, отлёживаясь очередной раз в медпункте, я обнаружил в прикроватной тумбочке невесть кем забытый библиотечный томик В. В. Маяковского. Содержимое армейской библиотечки нашей, как было тогда заведено, отличалось крайней идейной отточеностью, так что выбор был невелик; но как раз Маяковского я вполне уважал, и принялся читать. Наткнулся вот на эти строчки, помню их до сих пор:

Я с ношей моей
Иду спотыкаясь
Ползу дальше на Север
Туда где в тисках бесконечной тоски
Пальцами волн вечно рвёт грудь океан-изувер
Я добреду усталый
В последнем бреду
Брошу вашу слезу
Тёмному богу гроз
У истока звериных вер

В. Маяковский, 1913

Тогда, мне кажется, оно и началось.

Океан являлся мне не так, чтоб слишком уж часто, однако вполне регулярно. И всякий раз представлял иным... во сне. В жизни я никогда океана не видел, да и навряд ли уж доведётся.

Я так мечтал
увидеть
Его солёные просторы
И облака висящие над ним свинцово
И клочья пены у подножья скал
Так долго так мучительно мечтал...

Удивительным образом сны эти действовали на меня: они дарили ощущение, которое словами непросто передать... Чем-то похоже на свежий бриз... Переполняя лёгкие, он вызывал нечто вроде лёгкого опьянения, беспричинной, искрящейся радости – от странного чувства какой-то полной, всеобъемлющей свободы. И чувство это сохранялось ещё некоторое время после пробуждения, пусть ставшее значительно бледнее наяву, но всё же!

Впрочем, глупости всё; дело не в этом. А дело в том, что с недавних пор всё изменилось. Нет больше океана, не вдыхаю я во сне солёную свежесть его дыхания; не просыпаюсь от злобного крика чаек. И снится мне теперь (вот уж с год, наверное) какой-то город. Понятия не имею, существует ли он вообще и если да – то где расположен... более того, даже *когда*. Я вообще знаю о нём совсем мало – но в то же время и поразительно много. Мне известно, что называется город Масхарт; однако затруднюсь определить и часть света, и страну, и даже язык, на котором здесь говорят (и который во сне я превосходно понимаю, а наяву не могу припомнить ни слова на нём) ... Только название. *Масхарт*.

Впрочем, о городе я успею ещё рассказать; в конце концов, это всего лишь *сны*, не правда ли? Так что начну я, пожалуй, совсем с другого – а именно...

...да пожалуй, с того, как однажды ночью, где-то с год назад, валялся я, мучаясь привычно бессонницей, и смотрел фильм, фраза из него так врезалась мне в память, что, скорее, забуду свой *океан*, но с этим, уверен, буду жить до самого конца...

«Это как трещина в твоём рассудке – ты чувствуешь: что-то не так, однако не можешь понять, где и в чём. При этом ты точно знаешь, ты уверен: с миром что-то происходит... Сейчас, вот теперь – но ты не способен понять, что именно... Это растёт, ширится... Ты знаешь, о чём речь?»

Я знал. Ещё как знал! Только у меня не было (и по-прежнему нет) простых ответов, как у героя того фильма. Мир *менялся*, я это чувствовал, но ни черта не мог ни в чём разобраться... даже в себе самом. Но мир изменился и *продолжал* меняться, уж это точно.

И кажется, тогда же мне приснился сон о городе, от которого остался теперь в памяти лишь обрывок; впрочем – самое как раз важное, я думаю.

Угрюмо.

*Это слово будто пропитало город – весь, от весёлых некогда труппных цветастых кварталов до сине-зелёных мраморных плит набережной под свинцовым небом, мутно неверным в часы утреннего прилива и до сумерек, когда приходил отлив. Приливы, отливы... День. Ночь. Всё шло вроде бы той же неизменной чередой – но во всё, во всё
вжилось / впечаталось / впиталось / проникло угрюмо
...И ещё одно слово неизменно приходило на ум:*

Скорбь

*Не совсем понятно – какая, о чём или о ком, и почему, но – скорбь
Слово возникало в голове произвольно, исподтишка, вкрадчиво... И – Угрюмо.*

Всегда бывает много тяжелее, когда нечто привычное и милое сердцу, а паче того – некто, кого привык считать неизбежно существующим в твоей жизни, реальным, как сама она, внезапно... Нет, не умирает – *меняется*.

Меняется странно, чтобы не сказать даже страшно, и уж во всяком случае, – страшно-вато. Куда легче вынести, когда он просто уходит, уходит попрощавшись или нет, навсегда или на время, по какой-то причине или без неё... Но нет его больше в твоей жизни, и нет этого кошмара: жить с ним и дальше, *не с таким*. Вроде бы и с ним же, но каким-то непонятно другим... Чужим. Даже чуждым вдруг. Вот что по-настоящему страшно.

Да, мир изменился и продолжал меняться... Иногда плавно, почти незаметно, иногда же – скачком, вдруг. Скажем, дошло уже до того, что и собственное жилище, дом родной, где, как говорится, и сами стены помогать должны бы – опостылел окончательно. Те самые стены начали нешуточно давить на психику, заставляя метаться бесцельно по комнатам... мебель, что казалась некогда уютно-привычной, приобрела вдруг вид ужасающей, нестерпимой нищеты и убогости; да что там! – если сам я себе казался каким-то конченным, отжившим своё, ни на что уж более не способным...

Тяжкие волны мутного в это время года Залива Сгинувших медленно перекатывались по сонной гавани... На город опускалась ночь.

* * *

...Итак, мир продолжал меняться, ничто в нём отнюдь не собиралось, судя по всему, возвращаться на круги своя.

И получается, что нужно жить в изменившемся мире.

А относительно снов – город в те времена я видел не так уж часто. Но бывало.

Как-то непривычно тихо стало в Масхарт с тех пор, как кончилось (пусть малой кровью, но большим позором) осеннее восстание. Тихо и тягостно... муторно как-то. Что стало с тобою, Масхарт, городом Ветра, Гордый город? Всё здесь, кажется, если не спит, то готовится к долгому сну. Но при этом заранее ясно, что сон не принесёт успокоения, а скорее всего – и не сон это будет, скорее кошмар...

...И всё неуловимо изменилось. На базарах – привычное изобилие; да только и товар какой-то не тот: вроде с фальшивинкой, что ли; и народ базарный – что продавцы, что покупатели – непонятно с чего были злы, ругливы... не те.

Но главное даже не это; главное – это смутное ощущение незримой, но почти физически ощутимой тени, повисшей над каждым из бесчисленных торжищ города. И ещё: появилось вдруг неведомо откуда множество странных людей: застывшие, как статуи, в полной неподвижности сидели они на изразцовых мостовых, неотрывно глядя прямо перед собой в какую-то им одним ведомую пустоту; и абсолютное безмолвие их таило в себе, казалось, скрытую угрозу.

Да и творилось повсюду много странного. Вот случай: рынок у Северной Башни (один из самых крупных). Торговец зеркалами – грузный, обычно весёлый и говорливый человек, с лица которого редко сходила приветливая улыбка, впал вдруг в мрачное, тяжёлое помешательство.

Угрюмо шевеля своими роскошными усами, как-то сразу обвисшими, он брал очередное зеркало, поворачивал его так, чтоб отразить всю базарную площадь, заглядывал, и – бил, тихо ругаясь каждый раз чёрными словами, прямо об прилавок. Под ногами у торговца была уже целая россыпь осколков, всяк по своему отражающих свинцовое небо; по временам они вдруг радужно вспыхивали на изломах, но тут же снова гасли. А в это самое время – чуть поодаль собралась небольшая толпа послушать бродячую прорицательницу: лица людей мрачны; слушают молча, почти все прячут взгляды, глядя вниз.

Вещунья – костлявая, оборванная старуха – завывает, трясая седыми спутанными космами:

– Чёрной кровью на дыму записано и огню посвящено! Правда прошлых пророков пьяна и лжива! Вот, чистотой трав трезв голод могил, но мёртвые пока молчат... Внимите, люди,

как молчит вместе с ними и время! То – проклятье прошлому! То проклятье пророка, возлюбленного пророком проклятым и погребённым пустотой... Вы слышите, люди?! То шуршат в колыбелях тени грядущие, они готовы прийти к нам... на смену уходящим посевам...

На город спускаются сумерки...

* * *

И в этих сумерках – мы.

Мы, те, кто бредёт непонятно куда в бесконечном поиске.

Поиске какой-то непонятной Истины, что веками брезжит где-то там, во тьме, так и оставаясь вечной загадкой. Она зовёт, и пусть все доводы разума говорят о невозможности её постижения – неизменна в нас вера: есть она, Истина.

Тем паче, что временами она вдруг обретается, но тогда всякий раз оказывается, что это лишь первый шаг; и даже не шаг – потому что необходимо найти ещё *Верную дорогу*.

Но мы всё бредём дорогами *неверными*, блуждаем. И времени всё меньше, и тогда мы бежим, мечемся... А ведь вполне возможно, что ищем-то вовсе не Истину...

Серен Кьеркегор написал одну довольно занимательную вещь. «Когда я ещё только начал молиться, я старался приходиться в церковь и разговаривать с Господом... (...) Это то, чем занимаются христиане по всему миру. Они говорят с Богом громким голосом, они так кричат, так вопят, что можно разбудить мёртвого. И, видимо, почитая Бога всего лишь глупым существом, они советуют, указывают Ему, что Ему следует делать, а чего не следует. Или, будто Господь – всего лишь глупый монарх, они убеждают его, подкупают его, – чтобы добиться исполнения своих желаний и планов».

Далее: «Я начал разговаривать, но потом вдруг понял, что это совершенно бессмысленно. Что можно говорить пред Господом? Нужно быть безмолвным. Что у вас есть такого, что можно сказать? Могу ли я сказать Господу что-то новое для Него, чего Он не знает? Он всемогущ, Он всеведущ, Он всезнающ, Он видит всё, так зачем же что-то еще говорить?»

И, наконец, «Много лет подряд я разговаривал с ним, а потом внезапно осознал, как это глупо. И я перестал говорить, я замолчал. А потом, спустя ещё много лет, я обнаружил, что даже молчание не подходит. И тогда я сделал следующий шаг, я стал слушать. Сначала я говорил; потом я не говорил; – а потом только слушал».

Лебединое озеро

– Ррота, пааааадъем!!!

Мы посыпались со шконок. Дежурит Геморрой, а он имеет манеру метать со всей дури табуретками в не сразу просыпающихся.

– Падъем, рррррота!!!

Шлёп!! – Хорька сбило со шконки табуреткой, которую он при ударе инстинктивно обнял, так что приземлились они вместе.

Сапоги у меня сияли, как верблюжья... нну, головка верблюжьего полового члена, так скажем, а вот портянки, которые я не успел одеть, пришлось незаметно сунуть под матрас. Чудо, что у меня нижняя койка – достается куда меньше, чем дятлам, плюс масса всяких удобств.

Я был к карантине. Нас воспитывали. Приводили в соответствие. Весь день – строевой и построениями, а на ночь – подъем-отбой с очком в наказание. Имеется в виду – мыть его, очко. Так что спать я приходил, частенько, оттуда. С толчка.

В сапоги, непонятно как и когда, набилось изрядно песку. Что будет с моими ногами? В казарму теперь раньше, как аж после завтрака – ТРАХ! – удар был так себе, средний, но я ударился головой об спинку кровати и поплыл слегка. Так что Геморрой дал мне еще в «солнышко», а когда я упал, кинул мне на морду мои портянки, а сверху и всю постель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.